

Д.Р.Кобалия

ПРОБЛЕМА КРЕМНЁВОГО ИНВЕНТАРЯ В УКРАИНСКОМ ЭНЕОЛИТОВЕДЕНИИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Кремневое производство энеолитических культур Украины, несомненно, являлось одним из ведущих компонентов, составляющих общую картину экономического развития в эпоху освоения металла. В течении всего рассматриваемого периода оно продолжает иметь первостепенное значение для производства жизненных благ и представлено широким ассортиментом орудий. Кремневые изделия вообще относятся к числу наиболее массовых находок рассматриваемого времени. На памятниках трипольской культурной общности их объем нередко достигает 90 и более процентов от всего производственного инвентаря [1, с. 47].

Так или иначе, вопрос кремневого производства в энеолите Украины и, в частности, ее степном регионе, начинает рассматриваться сравнительно рано. Отправной точкой систематических исследований могут служить отчеты и публикации материалов Днепростроевской экспедиции (А.В.Добровольский, 1929). В 1933 году опубликованы материалы Мариупольского могильника (М.О.Макаренко, 1933). В послевоенное время количество работ и спектр исследований в рамках темы значительно возрастает. К середине 50-х годов появляются новые публикации А.В.Добровольского (А.В.Добровольский, 1954), М.Я.Рудинского (М.Я.Рудинский, 1955), расширяется трипольская проблематика (исследования С.Н.Бибикова, Т.Г.Белановской). Последняя исследует памятники ракушечно-ярской культуры на Нижнем Дону (Т.Г.Белановская, 1953). Еще большего размаха изучение энеолитических древностей достигает в 60-е годы и для степного региона связано с разработками В.Н.Даниленко, Д.Я.Телегина, О.Ф.Лаговойской, открытием новых памятников А.В.Бодянским, Т.Г.Мовшей, О.Ф.Лаговойской и другими исследователями. С этого времени объем исследований вплоть до 90-х годов не уменьшался.

В то же время процесс производства и использования кремневых изделий, связанные с этим тенденции хозяйственного и культурного развития, в научной литературе почти не освещались. Наметившуюся проблему неравномерного освоения материала еще в 1953 году отмечает С.Н.Бибиков "... кремневый инвентарь, происходящий из раннеземледельческих поселений, освещен в литературе очень слабо и не дает даже самых общих представлений о типах кремневых изделий [2, с.78]. Через 20 лет В.Н.Даниленко, как и С.Н.Бибиков, на примере того же Триполья остав-

ляет аналогичную запись: “Что касается /../ кремневого инвентаря, то нередко ему не уделяется надлежащего внимания. Однако собранный материал вполне достаточен для того, чтобы уловить наиболее характерные общие черты” [9;с.10]. Он обращает внимание на то, что гораздо большее внимание привлекает керамика и художественная пластика. Из этого следует, что с конца 40-х годов проблема по-прежнему остается нерешенной. На наш взгляд, такое положение дел в украинском энеолитоведении могло быть вызвано рядом причин как объективного, так и чисто субъективного характера.

Новостроечные экспедиции довоенного и послевоенного времени в течение относительно короткого периода значительно увеличивают объем новых полевых поступлений, что, естественно, активизирует интерес и деятельность многих исследователей. Можно сказать, что поле деятельности существенно расширилось. С этим и связан неуклонный рост количества публикаций в послевоенное время. С этого же времени все отчетливее намечается тенденция доминирования культурно-хронологического аспекта в изучении энеолита Украины. Акцент на культурно-хронологической проблематике не случаен и объясняется, с одной стороны, традицией, утвердившейся в советской археологической науке еще в 20-е годы, когда большинство работ писалось в духе зародившегося тогда палео-этнографического направления во главе с Б.С.Жуковым, с другой стороны – спецификой самого материала. Согласно публикациям кремневые комплексы энеолита Украины обнаруживают значительное сходство, причем это касается не только южного региона. В связи с этим материал не только не поддается территориальному членению, но зачастую и вовсе противоречит последнему. На примере тарденуаза об этом еще в 1926 году писал Октобон [3, с.23].

На морфологическую близость материала в научной литературе указывалось не раз. Т.Г.Мовша отмечает, что кремневая индустрия Усатово характеризуется отщеповой техникой, что, в целом, типично для степных культур со скотоводческим типом хозяйства [16, с.251-252]. Примерно то же мы находим и у Д.Я.Телегина относительно памятников Среднеостовского типа [27, с.318]. При рассмотрении монографии В.Н.Даниленко, посвященной энеолиту Украины, складывается впечатление, что кремнь, в принципе, очень сходен, различия наблюдаются только в деталях, отсутствии или наличии микролитов (В.Н.Даниленко, 1974). В свою очередь, Л.В.Субботин обращает внимание на то, что виды кремневых инструментов, их морфология, функции, характер изготовления и обработки, встречаемые на гумельничских памятниках, присутствуют и на сходных трипольских, оговариваясь при этом, что исключение составляют только наконечники стрел, копий и топоры [25, с.41].

Подобная “схожесть” материала, кроме всего прочего, усиливалась преобладанием формально-типологического подхода в изучении кремневых изделий, о чем будет изложено ниже. Отметим только, что использование формально-типологической схемы с начала XX ст. было традиционным и имело западноевропейские корни начиная с французской археологической школы.

Другая категория массового материала – посуда и ее обломки – напротив, всегда отличалась разнообразием, заметным уже с первого взгляда. Разнообразие керамики как по форме, так и по другим показателям (орнамент, композиция, морфология и др.) сделали эту категорию материала доминантой в изучении энеолита Украины. Преобладание керамической проблематики серьезно укрепило культуроведческое направление. Достаточно вспомнить, что возникновение целой школы исследователей Триполья во многом обязано богатству и разнообразию трипольской керамики, разительно отличающейся от керамики степного региона. К настоящему времени едва ли не половина всех работ в области украинского энеолита посвящена именно этой теме и, совершенно очевидно, большая их часть касается вопросов культурно-хронологического плана. Все это и явилось причиной диспропорции, на которую в начале 70-х обращает внимание В.Н.Даниленко.

Так как кремневый материал на энеолитических памятниках в количественном отношении вполне соперничает с керамикой, и опустить его было нельзя, он чаще играет роль вспомогательного показателя. Как правило, его трактовка носит относительный характер и основывается на формальной морфологии. Обычно в интерпретации кремневых изделий дублировалась методология керамистов с использованием формальных показателей, то есть таких, которые с одной стороны могли не увязываться между собой технологически, а с другой, “работали” в культурно-хронологических корреляциях.

Предание кремневому материалу вспомогательной роли не могло не сказаться на методике раскопок. Культурологическое крыло исследователей не всегда использовало методологические приемы специалистов по камню. Традиционно, при должном внимании к стратиграфии, планиграфическое распределение материала на объектах исследовалось довольно редко. Практически, его нет в отчетах как до, так и послевоенного времени. В то же время известно, что без планиграфического анализа довольно сложно получить представление об организации производства и утилизации орудий. Иначе говоря, проследить процесс в динамике.

Чтобы лучше представить формально-типологический подход, чаще всего используемый культурологическим крылом, приведем несколько примеров.

В 1973 году выходит монография Д.Я.Телегина “Середньостогівська культура епохи міді”. Характеризуя кремневый материал автор использует морфологический, метрический показатели, характер первичной и вторичной обработки. Выделение того или иного типа изделий в функциональном отношении условно, а для выделения каждого конкретного типа достаточно одного показателя. Например, пластины (материалы Деревки и Александрии) определяются метрически. В данном случае рассматривается только длина пластин. В основе типологии нуклеусов лежат их морфологические характеристики, скребков – характер первичной и вторичной обработки, иногда тип ретуши [27, с.54-56]. Весь материал рассматривается в географической и стратиграфической плоскостях, что вполне соответствует теме работы. В то же время, он не увязывается между собой, что и объясняет возможность использования только одного “характерного” или просто удобного показателя для разных типов изделий. В том же русле рассматривается кремневый комплекс днепровско-донецких памятников (Д.Я.Телегин, 1968). Для техники обработки кремневого сырья выделено четыре основных приема:

- первичное расщепление;
- двухсторонняя обработка;
- формирование орудий с помощью крутой краевой ретуши;
- шлифовка.

Своеобразием днепро-донецкого кремня по мнению Д.Я.Телегина является сочетание микро- и макролитических техник с преобладанием пластинчатого показателя. В работе, однако, обращено внимание на зависимость состава и характера находок от сырьевого потенциала [28, с.125-126].

Разгоревшаяся более 20-ти лет назад дискуссия между В.Н.Даниленко и Д.Я.Телегиным по поводу культурно-хронологической принадлежности ряда памятников нео-энеолитического времени практически не касается вопроса кремневого производства. В.Н.Даниленко рассматривает его по сходной с Д.Я.Телегиным схеме. В основу положены формальные морфологические характеристики, на их основе произведен статистический расчет, и далее все это рассматривается в географической и стратиграфической плоскостях (В.Н.Даниленко, 1974). Иначе говоря, мы имеем дело с констатацией фактажа в пространстве и времени, где первостепенное значение имеют как раз последние. Именно такой подход мы можем проследить в работах палео-этнологов 20-х годов, причем сейчас, как и тогда, ставка делается на керамику.

С развитием трассологической школы, в 60-х и особенно 70-х годах, наблюдается повышенный интерес к вопросам производства и использования кремневого инвентаря. Очерчивается круг вопросов на которые не

дает ответа формально-типологическая схема. Все большее внимание уделяется методикам его формализации материала. Главным образом, появление новых подходов связано с разработками в области палеолитоведения.

А.А.Синицын отмечает, что над формированием признаков стали задумываться еще в 30-е годы, но только с середины 50-х начинается выработка общенаучных принципов формализации, складывающихся в системы. Далее он пишет: “как ни странно, но только в 70-е годы XX века появилось пока слабо аргументированное утверждение, что основные категории, которыми оперирует наука, во многом не отвечают ее же требованиям”. Основной причиной расхождений, на его взгляд, является распространенное с середины XX в. мнение о всеобщности проявления типов, хотя, как он справедливо указывает, очевидно, что даже очень похожие формы в разных комплексах представлены в разном виде и имеют неодинаковое значение [22, с.159-160]. С такой точкой зрения соглашается и М.И.Гладких, на примере палеолита отмечая отсутствие хотя бы двух памятников с тождественным инвентарем. Обитатели разных комплексов могли достигать одной цели (заготовка определенного вида) несколькими различными путями [8, с.138-139]. Примерно то же находим и у С.А.Семенова (С.А.Семенов, 1961). В коллективной работе И.Каменецкого, Б.Маршака, Я.Шера проблема представлена следующим образом: “В силу не разработанности теории здесь царит полный произвол. Большинство доказательств сводится к субъективным оценкам: “похоже”; “непохоже”. Следовательно, именно на этом этапе классификационного исследования и требуется уточнение и, по возможности, формализация некоторых исследовательских приемов и методов” [12, с.44]. Они приходят к выводу о неправомерности считать результативной любую классификацию или статистико-типологическую схему без содержательной теории, объясняющей, какие факторы общественного развития и как определяют поведение признаков, теории объясняющей “почему эти вещи похожи?; почему именно по этим признакам и именно в такой степени?; почему появляются новые варианты?; почему исчезают старые?” [12, с.81]. Относительно морфологии предметов возникает мнение, что именно те детали форм, которые не имеют прямого утилитарного назначения и являются признаками, разграничивающими предметы одного функционального назначения в различных культурах [5, с.56]. Однако, в данном случае требуется проверка функциональной тождественности, а этого, как правило, не было в исследованиях энеолитических памятников. О проблеме функционального определения изделий еще в 1961 г. писал С.А.Семенов [20, с.37].

Представленную проблему можно условно разделить на две состав-

ные: проблема функциональной тождественности и проблема морфологической тождественности или технологии. Ключом к решению первой многие авторы вполне оправданно считают трассологические исследования [19, с.37]. Что же касается второй, то в этом отношении особенно интересна работа Е.Ю.Гири, в которой отстаивается тезис о неспособности простым анализом форм артефактов установить между ними и их элементами реальные причинно-следственные связи, выделить действительно значимые признаки из множества второстепенных. Особо важными элементами морфологии предмета расщепления он считает элементы, управляющие направлением и характером распространения плоскости расщепления [6, с.118]. Рассматривая процессы технического формообразования орудий труда в палеолите, А.К.Филиппов приходит к выводу о том, что изделия вовсе не являются комбинированными или полифункциональными орудиями, а свидетельствуют лишь о смене одного активного элемента другими на одной основе в течение одного сложного технологического цикла. На одном предмете может быть до нескольких форм утилизации [29, с.45,54]. Следуя заключениям автора, кремневый материал не следует воспринимать статически. Напротив, морфологические характеристики имеет смысл рассматривать в динамике, а этого практически не наблюдается в работах культурологического крыла.

В 80-е – 90-е годы появляется серия работ, представляющих возможные направления в изучении кремневого материала.

На примере позднего палеолита С.Васильев выделяет следующие факторы, влияющие на характер комплекса каменных орудий: **Культурный стиль**, основанный на общем свойстве инвариантности, независимо от функции предмета и отражающий обособленные отдельные социальные группы. Выделение локальных культур и иных культурных единств должно строиться только на признаках, относящихся к этому типу. **Функциональный фактор**, отражающий специфику данного поселения или его участка. **Сырьевой фактор**. Характер первичного сырья в ряде случаев играет значительную роль в обмене инвентаря. **Фактор исследованности**, определяющий зависимость характера археологического материала от методики раскопок. **Случайные вариации**, обусловленные культурным дрейфом. О сложности культурно-хронологического членения на основе только каменных комплексов достаточно подробно рассматривается В.И.Беляевой (В.И.Беляева, 1994).

Е.Ю.Гиря, рассматривая технологический анализ каменных индустрий в советском палеолитоведении, выделяет три метода изучения материала:

- 1) типологический;
- 2) технологический;

3) функциональный (Е.Ю.Гиря, 1993).

Все три метода, как видно, присутствуют и в энеолитоведении. Если первый, выступающий у нас главным образом как “формально-типологический”, то два других требуют некоторого уточнения. Мы рассматриваем “технологический” метод как “морфо-технологический”, а “функциональный” – как “трассо-технологический”. В связи с тем, что кремневый материал мог иметь многоступенчатую утилизацию, вполне естественно, что функция зачастую определяла морфологию. По этой причине трассологические наблюдения обычно связаны с вопросами технологии. С другой стороны, технология может исследоваться и без применения микроскопа – ремонтаж, макротрассология, анализ морфологии и планиграфии комплекса и т.д. Все это включает морфо-технологическое направление. Г.Ф.Коробкова называет собственно типологическим направлением такое, в задачи которого входит выявление морфологических закономерностей и уяснение конкретной истории отдельных общностей [14, с.12].

Попытки функционального определения орудий экспериментальным методом известны еще с начала века – Профе и др. Основателем же советской школы является С.А.Семенов. В работах 50-х – 60-х годов автор представляет анализ принципов изготовления орудий времени палеолита-неолита, проводит некоторые сопоставления с данными этнографии. Многие выводы вполне применимы и к кремневым индустриям энеолита.

Направление С.А.Семенова продолжено в работах Г.Ф.Коробковой. В ее исследованиях задействован трипольский материал. Помимо функционального определения, она занимается исследованием трудозатрат при производстве отдельных видов орудий (Г.Ф.Коробкова, 1973). Как и С.А.Семенов, Коробкова придерживается комплексного подхода в анализе кремневого инвентаря. С одной стороны исследуется технология изготовления орудий, с другой – функциональная нагрузка, дающая возможность соотнесения индустрии с хозяйственным типом объекта или группы объектов. Культурологическая проблематика не рассматривается.

К трассо-морфологическому крылу можно отнести некоторые исследования В.А.Круца. С помощью трассологических наблюдений он сравнивает кремль софиевских, чапаевских, лукашевских памятников позднего Триполья, предлагая процентное соотношение основных видов изделий (В.А.Круц, 1977). Обратим внимание, что в данном случае процентный показатель отражает реальные величины. В формально-типологических исследованиях кремневого материала они всегда будут относительными. Учитывается и фактор утилизации.

К наиболее интересным работам трассо-морфологического направления относятся работы Н.Н.Скаун. В 1978 г. опубликован подробный

анализ орудий труда раннетрипольского поселения Александровка. Автор отмечает, что в эпоху раннего металла появляется целая серия новых кремневых инструментов, связанных с обработкой металлических изделий [23, с.15]. В 1996 г. она развивает тему, используя болгарский материал (Н.Н.Скакун, 1996). Аналогичные разработки на усатовских материалах принадлежат Э.Ф.Патоковой (Э.Ф.Патакова, 1979).

К сожалению, почти все работы этого направления, связаны только с памятниками Триполья.

Техно-морфологическое направление в украинском энеолитоведении начинает развиваться с середины 50-х гг. Вышедшая в 1953 г. работа С.Н.Бибикова “Раннетрипольское поселение Лука-Врублевцевская” излагает предложенный автором комплексный подход анализа кремневого инвентаря. Функциональное определение изделий базируется на трассологических и технологических показателях одновременно. В целом, С.Н.Бибиков не отстает от трассологического направления С.А.Семенова, уделяя внимание и вопросам производства. Морфологический показатель практически всегда увязывается с функцией. Соотношение первичной и вторичной обработки изделий, однако, рассматривается автором в традиционном статичном русле, без учета процессов переоформления.

На наш взгляд, фактор переоформления имеет принципиальный характер. Принятие же или опущение фактора переоформления не могло не отражаться на статистических показателях. Интенсивность процесса переоформления в первую очередь зависела от сырьевого фактора. Так, обращая внимание на характер сырья усатовских памятников, В.Г.Збенович отмечает, что на территории этих памятников нет источников качественного сырья. В качестве исходного материала использовалась кремневая галька из выходов долины Днестра. В то же время качественное сырье импортировалось из среднего Поднестровья [11, с.56]. Становится очевидным, что статистическое распределение основных типов и морфология изделий в индустрии усатовцев могут существенно отличаться от индустрий сопредельных территорий в рамках даже одной этнокультурной общности. Тогда фактически в любом формально-типологическом исследовании при отсутствии точных дат и преобладании кремневого материала это может привести к подвижкам хронологического плана. По этому поводу С.А.Семенов справедливо цитирует Б.Спенсера и Е.Джиллена: “племена Центральной Австралии одновременно изготавливали и употребляли грубо отесанные орудия из кварцита и шлифованные топоры из деорита, то есть орудия палео и нео облика. Тип орудия зависел от качества материала, который находят австралийцы... Если Аранда и Варрамунга (...) вымрут, то будущий исследователь будет

очень смущен их каменной индустрией, в которую входят палеолит и энеолит” [21, с.52].

Как видим, во-первых, характер сырья мог влиять на морфологию и статистическое распределение кремневого инвентаря, что, в целом, признается представителями культурологического крыла: Д.Я.Телегин, 1968 г.; В.Г.Збенович, 1974 г.; В.П.Третьякова, 1981 г. В то же время очевидно, что от сырьевой базы эти показатели зависят гораздо сильнее, нежели от “культурной принадлежности”. Во-вторых, расстояние до источников сырья вероятно сказывается на степени переоформления и утилизации кремневых комплексов. В этой области особенно интересны работы специалистов по камню: А.Кротовой (1986), Н.Леоновой (1976) и другие. Однако аналогичных исследований по энеолиту нет и это, естественно, не может не влиять на объективность статистических расчетов.

Существует и еще одна проблема: при отсутствии планиграфических исследований обычно не исследуется постановка технологического процесса на каждом отдельном комплексе. Гибкость морфологии отмечена на Константиновском поселении, где “на ряду с настоящими шедеврами встречаются грубые, неумело сделанные, неряшливые изделия новичков” [13, с.47].

Возникает парадокс – с одной стороны, кремневый инвентарь в энеолите Украины обнаруживает множество аналогий на всей рассматриваемой территории, с другой – при детальном рассмотрении – даже на сопредельных территориях возможны вариации, определяемые множеством факторов.

Причину этому мы усматриваем в отсутствии должного внимания к кремневому материалу, требующему совершенно иных методологических подходов, чем те, которые устоялись в преобладающем культурологическом крыле исследователей.

В коллективной монографии “Ремесло эпохи энеолита – бронзы на Украине” (1994) выдвигается тезис о двоякости обработки кремня в позднем энеолите. Первое направление – это продолжение развития пластинчатой техники, с производством пластин на месте добычи. Второе, новое направление – “техника с сохранением основы”, когда в качестве заготовки использовали уже подходящую форму желвака. В это же время широко используют пикетаж, шлифовку, сверление [18, с.13].

Примером техно-морфологического анализа кремневого материала является статья Я.Будзижевского (1995). Первостепенное внимание уделено макропластинам, как оптимальному морфологическому типу в производстве орудий, объединяющему отдельные классы артефактов. Такая точка зрения практически полностью совпадает с наблюдениями Н.Скакун. Будзижевский, в свою очередь, указывает на нежелательность

использования морфологических характеристик как отправных в вопросах гео-культурного плана. Например, исследования в разных частях Европы показывают, что различные группы населения способны производить наконечники одной очень установившейся формы и в то же время использовать разнообразные орудия в плане морфологии. В каждом конкретном случае существует вероятность инноваций [31, с.49]. Добавим, что выявление последних никак не связано с формально-типологическим методом.

Как отмечает автор, в анализе кремневого материала наиболее важным шагом является формирование тип-листа основных классов орудий и статистическое изучение частоты их присутствия. Однако, по его мнению, различие в частоте присутствия основных типов орудий не может интерпретироваться по вышеуказанной схеме в случае с материалами из мест различного характера. Последнее касается не только разницы между, скажем, мастерскими и погребальными объектами, но и просто между разными комплексами. Кроме этого, означенная схема не дает результатов в случае с материалами, где основные типы изделий не являются окончательными формами производственного процесса и вскрывают различные стадии оформления артефактов.

Уже первичный анализ артефактов показал, что производство орудий Софиевской группы заключалось, главным образом, в их переоформлении [31, с.152].

Процесс переоформления ножей и скребков на примере позднеэнеолитских памятников описывает и В.Збеневич [11, с.56]. Далее Будзижевский отмечает, что, оба эти фактора – местонахождения разного плана и степень переоформления изделий – в разное время, в различной степени определяют фактор неолитического кремня Средней Европы и они являются главной причиной неудач упорядочения неолитических коллекций в русле типичном для более раннего времени. Вместо этого он предлагает свою классификацию, хоть и основанную на морфологии как наиболее важном критерии, в то же время, отличную от используемой в подобных случаях. Он исключает категорию ретушированных пластин, так как последняя искусственно объединяет разные формотипы и категорию комбинированных орудий, как заключающую в себе специфически отдельные формы орудий или же результат переоформления [31, с.152]. Для проведения расчета представленная схема перестраивается так, чтобы иметь возможность вывести специфическую необходимость из комбинаций различных категорий орудий. Предлагаемая классификация работает и как тип-лист неразрывных категорий и как объединение нескольких различных классификаций [31, с.169].

Анализ кремневой индустрии софиевских могильников позволил ус-

мотреть сильное влияние на последнюю медного производства, что проявляется в следующем:

- 1) организация производства в специальном центре, экспортирующем продукцию, а не “ноу хау”;
- 2) организация производства орудий, состоящая в повторном ремоделировании использованных форм;
- 3) формы ряда орудий, особенно кинжалы и квадратные топоры [31, с.187].

Первый пункт представляется достаточно спорным, так как организация специализированных центров производства орудий возникает в Триполье задолго до широкого внедрения меди. Относительно третьего пункта отметим, что процесс дублирования медных форм был скорее уже обратным актом. Первоначально, согласно наблюдениям В.Клочко, медные изделия напротив повторяли морфотипы кремневых. Из этого может следовать, что медное производство на Софиевских памятниках действительно достигает значительного прогресса и, в свою очередь, отражается на кремневой индустрии.

Определенный интерес представляют разработки представителя американской школы Т.Бейкера [30]. На примере двухсторонних наконечников “доисторического” периода американской археологии он приходит к выводу, что около 80% этих изделий были подработанными, или подновленными. Он отмечает, что большинство наконечников подновлялись независимо от типа, однако частота подновления сильно варьируется между этими типами. Различия вызваны неодинаковой продолжительностью жизни изделий того или иного типа. В основу идей Бейкера положен принцип симметрии неиспользованного орудия. Подработка, в свою очередь, вызывала асимметрию.

Бейкер отмечает шаткость выделения статичных типов наконечников, так как переоформление вызывало самоуничтожение типа. За исключением работ Д.Ю.Нужного, исследования этого направления в украинской археологии не проводились.

Итак, становится очевидным, что формально-типологический метод, обыкновенно применяемый в отношении керамического материала, малопригоден при изучении кремня как отдельного класса артефактов. Если основные показатели в типологии керамики – величины как правило критерии формального плана, то есть не требующие предварительного выделения и вполне законченные сами по себе, то при детальном изучении кремневого инвентаря картина меняется. В культурно-хронологических построениях с опорой на керамический материал обычно используют до нескольких *a-priori* существующих признаков, образующих устойчивые связи. В изучении кремневых комплексов, ни один показатель не может

быть произвольным и имеет четкое функциональное или технологическое объяснение. Оба эти фактора тесно увязаны между собой, причем и то, и другое имеет весьма опосредованное отношение к культурологической проблематике. Показатели, определяемые функцией, раскрывают хозяйственно-бытовой статус памятника или группы памятников, показатели, определяемые технологией, – производственный и сырьевой аспекты.

Формально-типологические построения дают устойчивые результаты, когда в качестве коррелятов выступают статичные классы в рамках единой общепринятой классификации: керамика, кремль, погребальный обряд и т.д. Однако они не учитывают динамических процессов, свойственных, как было показано выше, кремневым комплексам энеолита. Как только предметом изучения становится кремневое изделие само по себе, на первый план выступают причинно-следственные связи и формально-типологическая схема становится малопригодной, отходит в тень и культурологический аспект. По этой причине интерпретация кремневого материала в традиционном формально-типологическом русле вряд ли позволит определить сущностные показатели в развитии кремневых индустрий энеолита Украины.

Источники и литература

1. Белановская Т.Д. Трипольское поселение Красноставка // Краткие сообщения института истории материальной культуры. – Вып.69. – 1957.
2. Бибииков С.Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевцевская. – М., 1953.
3. Брюсов А. Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа // Труды секции теории и методологии (социологической). – Т.2. – М., 1928. – С.9-35.
4. Васильев С.А. Проблемы реконструкций позднепалеолитических обществ в этно-археологических исследованиях // Проблемы реконструкций в археологии. – Новосибирск, 1985.
5. Викторова В.Д. Научный поиск в археологии. – Уральский университет, 1989.
6. Гирия Е.Ю. Проблемы технологического анализа продуктов расщепления камня // Советская археология. – 1991. – № 3.
7. Гирия Е.Ю. Технологический анализ каменной индустрии в советском палеолитоведении // Петербургский археологический вестник. – 1993. – № 3.
8. Гладких М.И. Некоторые критерии определения культурной принадлежности позднепалеолитических памятников // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л., 1977.
9. Даниленко В.Н. Энеолит Украины (этноисторическое исследование). – К., 1974.
10. Дегерменджи С.М., Коваль Ю.Г. Кремнеобрабатывающая мастерская с индустрией среднестоговского облика у с. Красное // Северо-восточное Приазовье в системе Евро-азиатских древностей (энеолит – бронзовый век). Ч.1. – До-

нецк, 1996.

11. Збеневич В.Г. Позднетрипольские поселения Северного Причерноморья. – К., 1974.

12. Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (возможности формального подхода). – К., 1975.

13. Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Поднестровье в V–III тыс. до н.э.) // Донские древности. – Вып.3. – Азов, 1994.

14. Коробкова Г.Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР. – Л., 1987.

15. Круц В.А. Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья. – К., 1977.

16. Мовша Т.Г. Поздний этап трипольской культуры // Археология УССР. – К., 1986. – С.223-263.

17. Патакова Э.Ф. Усатовское поселение и могильники. – К., 1979.

18. Ремесло эпохи энеолита–бронзы на Украине. – К., 1994.

19. Сапожникова Г.В., Сапожников И.В. О функциях геометрических микролитов (по материалам стоянок Гиржево) // Исследования по истории Северо-западного Причерноморья. – К., 1986.

20. Семенов С.А. История под микроскопом (о методах исследования функций древних орудий) // Техника – молодежи. – 1961. – № 8.

21. Семенов С.А. Первобытная техника. – М., 1957.

22. Сеницын А.П. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л., 1977.

23. Скакун Н.Н. Орудия труда раннетрипольского поселения Александровка (в свете экспериментально-трассологических исследований) // Советская археология. – 1978. – № 1.

24. Скакун Н.Н. К вопросу о кремнеобрабатывающем производстве эпохи энеолита Юго-восточной Европы (по материалам Болгарии) // Археологія. – 1996. – № 3.

25. Субботин Л.В., Бибииков С.Н. Памятники культуры Гумельница на территории УССР // Археология УССР. – К., 1986. – С.263-268.

26. Телегин Д.Я. Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и Степном Надпорожье Левобережной Украины // Там же. – С.305-320.

27. Телегин Д.Я. Середньостоговська культура епохи міді. – К., 1973.

28. Телегин Д.Я. Днепродонська культура. – К., 1968.

29. Филиппов А.К. Проблемы технологического оформления орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита. – Л., 1979.

30. Baker T. Information about projectile refurbishing (материалы Интернет).

31. Budziszewski J. Flint materials from cemeteries of the sofievka tipe // Baltic-Pontic studies – Vol.3. – 1995. – P.148-189.